

Страницы истории

НРАВСТВЕННЫЕ ИНСТИТУЦИИ В ФИНАНСОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ М. М. СПЕРАНСКОГО И ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. А. АНИКЕЕВА,
*кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Финансы и кредит»
E-mail: anikeeva_aa@vlpost.ru
Волжский гуманитарный институт*

В статье раскрываются нравственные институты российского политического деятеля М. М. Сперанского в его финансовых воззрениях, которые реализовались в законах, проектах, планах российского государства. В результате его нравственного служения стране и народу было воспитано новое поколение государственных чиновников, благодаря М. М. Сперанскому появилась плеяда известных отечественных ученых-юристов и финансистов.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, финансовая наука, история, государство, финансы.

Нравственные институты в финансовых воззрениях М. М. Сперанского и его общественной деятельности — это прежде всего понимание добра и зла, на основе которого закладывались бытовые и служебные принципы жизнедеятельности видного российского политика. Вопрос в том, как эти институты соотносились с теми правилами, которыми он должен был руководствоваться в статусе государственного чиновника, как они отразились на его финансовой деятельности, насколько воплотились в конкретные результаты. То есть задача заключается в раскрытии связи нравственных институтов М. М. Сперанского как человека с результатами финансовой деятельности его как государственного чиновника. В более широком аспекте это проблема влияния нравственных институтов человека на его профессиональную деятельность, служение обществу и своей стране.

Решая эту проблему, следует учитывать временной фактор. События двухсотлетней давности придется рассматривать с позиций современного

уровня развития научного познания. В актуальном времени финансовые институты осознаются как законы, нормы, правила, которые закрепляют социальные связи. Не социальные связи, не связи между разными людьми, а связи, с одной стороны, человека или социальной группы (хозяйствующего субъекта), а с другой — государства. Потому что основным субъектом финансовых отношений является государство. Институты, закрепляя социальные связи, обеспечивают стабильность реализации общественных отношений и служат фактором их развития. Институты в финансовых отношениях обеспечивают стабильность реализации бюджетных, налоговых, кредитных отношений. Институциональность финансовых отношений в современном мире заключается в обеспечении законодательством стабильности ставок налога, рефинансирования, да и сам государственный бюджет, являясь законом, предстает как институциональный феномен. Современные финансы не мыслятся иначе как отношения между хозяйствующими субъектами и государством, закрепляемые и осуществляемые государственными институтами в форме конституции, различных государственных законов.

Но представим себе, что таких законов нет, отсутствуют государственно-правовые нормы, регулирующие финансовые отношения. Было время, когда в России существовали финансы, государство, но не было государственных институтов. Это был период незаконных финансов, которые можно назвать догосударственно-институциональными.

Переход от незаконных финансов к законным или от догосударственно-институциональных к государственно-институциональным произошел как раз во время жизни М. М. Сперанского.

Он родился в догосударственно-институциональную финансовую эпоху. Конечно, были законы Петра I, указы Екатерины II, но это были законы, которые большей части населения не касались. Налоги уплачивались в размерах и в сроки, установленные общиной, по приказу помещика, требованию откупщика. Кредитные отношения были не развиты, и, как правило, единственной нормой, скрепляющей долговые отношения, было честное слово. Не было бюджета или сметы, но главное — не было их как плана и закона.

После М. М. Сперанского многое в финансах государства было изменено. Но главное — появилась институциональная основа — та почва, на которой стало произрастать бюджетное, налоговое, кредитное и финансовое право, без которых невозможно представить современную финансовую сферу.

Если были финансы, то, значит, были и институты. Но какие? Понятно, что, например, уплачиваемые налоги поступали в государственную казну. Но какая их часть? Сколько оседало в карманах откупщиков и взяточников, собиравших налоги? Это соотношение может служить критерием степени государственности в финансовых институтах, а его изменение способно стать характеристикой перехода от догосударственных финансовых институтов к государственным. Этот путь преобразования российских финансов был пройден М. М. Сперанским. Думается, изучив его жизнь и деятельность, можно понять основной смысл эпохи преобразований.

О М. М. Сперанском написано много. Но выделим самые первые труды о нем двух авторов. Это Модест Андреевич Корф (1800–1876) и Михаил Николаевич Лонгинов (1823–1875). Первый был подчиненным М. М. Сперанского после его возвращения из ссылки. Второй — известный биограф, перу которого принадлежат биографии многих прославленных россиян: И. В. Лопухина (1756–1816), М. В. Милонова (1792–1821), Н. И. Новикова (1744–1818). Работы М. А. Корфа [11, 12, 13] и М. Н. Лонгинова [1, 14, 15, 16, 17] написаны с интервалом в один-два года. Написаны независимо от мнения друг друга, в разных тональностях, с разным отношением к М. М. Сперанскому, с различным набором его нравственных институтов. Во всех известных последующих публикациях о

М. М. Сперанском обязательно есть ссылки на сочинения М. А. Корфа. И хотя многие отмечают его восторженный тон и хвалебные отзывы о своем бывшем начальнике, некоторые негативные оттенки там встречаются. Они были развиты, часто не очень аргументированно, теми исследователями, которые восприняли мнение М. А. Корфа за истину в последней инстанции и представили М. М. Сперанского как отрицательного героя: льстивого, вкрадчивого, угодливого [5]. Однако есть множество свидетельств людей, знавших лично М. М. Сперанского. И они дают ему совсем иную характеристику. Поэтому, составляя образ М. М. Сперанского, необходимо использовать факты, раскрытые и в работах М. Н. Лонгинова, и в трудах М. А. Корфа, и в воспоминаниях родных и друзей Михаила Михайловича.

От рождения Михаил Михайлович не имел родового имени. Отдавая подающего надежды бесфамильного мальчика во Владимирскую семинарию, дядя Михаила назвал его Сперанским (в переводе на русский это слово означает надежду). Так повествует об этом событии М. А. Корф [11, с. 5], сомневаясь в правдоподобности этого факта. Однако эта версия становится общепринятым фактом [23, с. 171]. Хотя повод для сомнения имеется. Чаще всего фамилию детям, не имеющим родового имени, давали в семинарии их наставники. Например, так получил свою фамилию известный российский ученый и критик Николай Иванович Надеждин (1804–1856). В честь М. М. Сперанского и как подающему надежды архиепископ Феофилакт «дал ему в русском переводе имя Сперанского» [10, с. 8]. Кроме того, Михаил Леонтьевич Магницкий (1778–1844), которого, с его слов, связывала с Михаилом Михайловичем почти сорокалетняя дружба, указал на то, что имя было присвоено уже в стенах учебного заведения [7, с. 328].

М. Л. Магницкий так отзывался о М. М. Сперанском, о его фамилии: «славный мореходец... на гордо поднятых ветрилах, как на крыльях надежды вылетел он некогда, со всеми мечтами счастья и славы» [7, с. 328]. Этот образ понравился биографам, и они стали его использовать [1, с. 28]. Фамилия Михаила Михайловича получила, таким образом, в воспоминаниях о нем отдельную тему для обсуждения: «Сперанский знатный сын дел своих! и даже творец своего имени,... ибо выполнил пророческое его означение и сделал историческим. Оно вписано в летопись нашей славы» [7, с. 328].

Учеба в семинарии, а затем в духовной академии стали кузницей духовности М. М. Сперанско-

го, послужила формированию нравственной основы его характера, и при этом он развивался интеллектуально. В академии, со слов М. Л. Магницкого, «он прилежно учится и особенно оказывает успехи в красноречии, пишет стихи, делается учителем, сочиняет и преподаёт курс российской словесности» [7, с. 329]. Успехи Михаила Михайловича в красноречии иногда связывают с написанной и читанной в 1793 г. в Александро-Невской главной семинарии работой «Правила высшего красноречия». Публиковать ее он отказался, но после его ухода другие учителя переписывали и по рукописным текстам преподавали эти «Правила...», а изданы они были лишь после смерти М. М. Сперанского в 1844 г. Однако следует сказать о том, что эта работа Михаила Михайловича способствовала развитию в большей степени не словесности, а богословия. Благодаря именно этому труду М. М. Сперанского, на русском языке появилось первое сочинение о христианском церковном проповедничестве (гомилетика). Этот факт дает основание не соглашаться с мнением тех, кто видел в М. М. Сперанском вольтерянца. Например, В. О. Ключевской писал: «Это был Вольтер в православно-богословской оболочке» [9, с. 199]. Согласиться с таким мнением означало бы признать отступление М. М. Сперанского от христианства, заподозрить его в неискренности. Но приведенный факт свидетельствует о противоположном — его религиозности. Кроме того, не мог митрополит Гавриил ошибаться, предлагая ему вступить в монашество [26, с. 80]. Это было в 1796 г. Тогда решалась судьба М. М. Сперанского — служить в монашестве или последовать предложению князя Алексея Борисовича Куракина и выйти в светское звание.

М. М. Сперанский выбрал второй путь. Все признавали его человеком большого природного ума и трудоспособности. Эти качества стали той ценностью, которая не осталась незамеченной в частной приемной А. Б. Куракина, затем — в канцелярии постоянно сменяющихся генерал-губернаторов и, наконец, — в приемной императора. Основной причиной сближения Александра I и М. М. Сперанского послужила любовь к русскому народу, которую Михаил Михайлович особенно ярко высказал в 1808 г. в Эрфурте, куда император взял его с собой для докладов по гражданским делам. Однажды на балу император спросил М. М. Сперанского, как ему нравятся чужие края в сравнении с отечеством. «Мне кажется, — ответил Сперанский, — здесь установления, а у нас люди лучше». «Воротившись домой, — заметил император, — мы

с тобой много об этом говорить будем» [9, с. 199].

М. М. Сперанский «принес в русскую неопытную канцелярию XVIII в. необыкновенно выправленный ум, способный бесконечно работать (48 часов в сутки), и отличное умение говорить и писать. По всему этому, разумеется, он был настоящей находкой для канцелярского мира» [9, с. 198]. Вынашивая в себе мысли о преобразовании России, он неоднократно их обдумывал, записывал и переписывал. Многие из них содержатся в его проектах и записках в период с 1802 по 1809 г. [30]. Изучение философской и социальной западноевропейской мысли, многовекового мирового опыта, желание использовать эти познания в преобразовании России и при этом максимально учитывать уроки российской истории, традиции, заложенные в управление государством Петром I, Екатериной II, — все это было характерно для М. М. Сперанского, начиная с 1802 г. Но главное, что отличало замыслы Михаила Михайловича от всех планов его предшественников, — стремление наполнить их народным духом, культурными российскими традициями. И это опровергает измышления ряда его современников, которые видели в нем «французского агента, замышлявшего ввести в России наполеоновский кодекс» [17, с. 473].

Обычно под культурными традициями, а точнее культурой, мы понимаем совокупность достижений человечества в производственном, социальном и интеллектуальном отношениях. Но М. М. Сперанский был верующим человеком. Например, слушая известного проповедника Киево-Софийского собора Иоанна Васильевича Леванда (1734–1814), Михаил Михайлович «заливался слезами» [11, с. 274]. Он был не только дисциплинированным и восприимчивым, но и творческим христианином, занимаясь писательской и переводческой деятельностью. Кроме написанного им в семинарии сочинения «Правила высшего красноречия», в начале своей чиновничьей деятельности в 1801 г. Сперанский «по поручению патриарха армянского народа, князя Иосифа Аргутинского-Долгорукого... исправлял русский перевод книги «Исповедание христианской веры армянской церкви»» [17, с. 474]. В 1805 г. М. М. Сперанский уже по собственному душевному порыву приступает к переводу «Подражание Христу» Фомы Кемпийского [12, с. 90].

Для М. М. Сперанского как христианина культурные национальные традиции воспринимались более глубоко, нежели чем некие социальные достижения, потому что сама религия — это не

достижение, а наследуемое откровение Божье. Без национальных нравственных институций, без нравственной составляющей М. М. Сперанскому не мыслилось управление государством и финансами [30, с. 18, 29]. Но, учитывая многоконфессиональный состав народа Российской империи, Михаил Михайлович пишет в проектах и планах не о христианской, а в целом о религиозной компоненте государственной деятельности, о соответствии финансов и всей государственной деятельности «нравам... самой религии» [30, с. 33].

Эти слова М. М. Сперанского созвучны словам, произносимым с самой высшей государственной трибуны, с клятвой императора, смысл которой заключается в том, что управление народом преследует цель охранять то, что доверено Богом. Выше этой цели и быть ничего не может. Клятва предшествовала восшествию на престол императора, в ней говорится: «Клянусь вверенным мне от Бога народом управлять по законам государственным» [30, с. 225]. Эту клятву можно понимать как форму догосударственной нравственной институции монаршей власти, которая фиксирует единственную и главную норму в управлении своим народом, как полученным, доверенным Богом.

Динамика профессиональных знаний, работоспособность при стабильной нравственной основе — это общие характеристики М. М. Сперанского, факторы его карьерного роста. Заложенные нравственные нормы, нравственные институции человека, который носил форму государственного чиновника, побуждали служить Отечеству по совести. По сути, он стал носителем, распространителем, сеятелем этих норм. Нравственные принципы М. М. Сперанского не дают ему возможности совершать безнравственные поступки, писать безнравственные законы и проекты, создавать безнравственные государственные институции.

В этот период в России при участии М. М. Сперанского происходила реформа высшей российской государственной власти. Осознать ее значимость в истории позволяет работа известного в XIX в. юриста Пия Никодимовича Даневского (1820–1892). Ее создание было приурочено к пятидесятилетнему юбилею действующего российского Государственного Совета. В работе прослеживается эволюция организации высшей российской государственной власти: боярская дума; ближняя канцелярия (1708–1711); правительствующий сенат (1711–1726) в первоначальном его виде; верховный тайный совет (1726–1730), образованный из прежней ближней канцелярии; кабинет министров

(1731–1741); конференция при высочайшем дворе (1741–1762); совет при высочайшем дворе (1762); правительствующий сенат (1762–1768) и совет при высочайшем дворе (1768–1801). С 1801 г. учрежден государственный совет, но до 1810 г. он представлял собой «опыт». Действительным двигателем реформ Александра I в первые годы его царствования был неофициальный комитет, состоявший из Павла Александровича Строганова (1772–1817), Николая Николаевича Новосильцева (1768–1838) и Адама-Ежи (Юрия) Чарторыйского (1770–1861). И «только в 1810 г. государственный совет, первоначально составленный из 35 членов, получил по проекту Сперанского прочную организацию, которая, за некоторыми изменениями, существует в главных своих чертах и в наше время» [16, с. 246]. То есть, созданная по проекту М. М. Сперанского высшая российская государственная организация власти за всю историю России стала первой. И эту власть в большинстве своем представляли лучшие по тем временам люди: лица императорской фамилии, военные и гражданские государственные деятели, ученые.

Как известно, безотлагательно приступить к реформе государственной власти побудил финансовый кризис в стране. За один (1810) год реформа России преодолела кризис. В отчете М. М. Сперанского от 6 марта 1811 г. указывается, что только за год была составлена и принята постоянная система уплаты государственных долгов, прекращен выпуск ассигнаций, получен бездефицитный бюджет, а «доходы... приведены в надлежащее с расходами равновесие»: «Никогда, может быть, в России, в один год не было столько издано общих государственных постановлений. В течение сего года положены первые основания истинного монархического устройства в части законодательной, в устройстве министерств и особенно в финансах» [17, с. 476].

М. М. Сперанским были также начаты образовательные реформы, направленные на создание российского чиновника нового типа, на развитие российской школы высшего юридического и финансового образования.

М. М. Сперанский спешил сделать многое, но в первую очередь предлагал решить следующие финансовые задачи: «Основать государственные доходы: 1) введением новой переписи; 2) образованием поземельного сбора; 3) устройством винного дохода; 4) лучшим употреблением дохода с казенных имуществ». Он торопился, потому что видел, как растет круг его врагов и недоброжелателей. В

1811 г. М. М. Сперанский в поданной Александру I записке сам указывает причины недовольства им общества: а) в сосредоточении в его руках всей власти; б) в том, что он является «мартинистом, поборником масонства, защитником вольности, гонителем рабства, и сделался, наконец, записным иллюминатором», в) во враждебности к государству. Михаил Михайлович просит Александра I: «отделив звание государственного секретаря и сложив с меня дела финляндские, оставить меня при одной должности директора комиссии» [17, с. 476–478]. Но Александр I все оставил без изменения, а через год отправил Михаила Михайловича в отставку.

Изгнание длилось около четырех лет. Вначале Нижний Новгород, затем Пермь, а далее нижегородская деревня. Первое время люди не знали, как к нему относиться, но слухи, которые носились вокруг его имени, обуславливали негативное отношение [8, 22, 29]. Лишь соликамский игумен Иннокентий, купец Смышляев и хозяин дома, где остановился М. М. Сперанский, поддерживали с ним отношения: «Эти три лица пользовались постоянной дружбой Сперанского. Иннокентий, как монах, в светские дела не вмешивался; Смышляев, как богатый человек, пользовался независимым положением; Попову терять было нечего: он разорился в пух...». Позже, когда из столицы пришло объяснение о том, что к М. М. Сперанскому следует относиться как к тайному советнику, общество было сконфужено, старалось загладить вину и опасалось за месть «за свои грешки» [8, с. 570–571].

Кроме душевных переживаний в начале своего изгнания, М. М. Сперанский страдает от простой житейской бедности: в Перми он начинает продавать свои личные вещи, например, брегетовские часы [7, с. 332]. При таких обстоятельствах удивительным выглядит следующий факт. В Перми он заканчивает работу, начатую еще в 1805 г., — перевод на русский язык сочинения Фомы Кемпийского «Подражание Христу». Многолетний труд он поручает издать, а выручку от продажи книги направить в пользу Императорского человеколюбивого общества [12, с. 90]. Таким образом, находясь в сложном материальном положении, М. М. Сперанский жертвует средства, заработанные многолетним трудом.

После окончания перевода Фомы Кемпийского М. М. Сперанский приступает к переводу других святоотеческих текстов. Это занятие он продолжает в Великополье — в собственном имении под Новгородом. Он посещает близлежащие монастыри и приходы, работает с найденными в

них церковными книгами, переводит и конспектирует их. Кроме того, Михаил Михайлович не прекращает своей научной деятельности, занимается изучением языков. Он пишет в столицу с просьбой о поручении ему какого-либо дела, не возвращения, а именно — дела. И такое дело он получает. Вначале М. М. Сперанский назначен губернатором в Пензу, затем генерал-губернатором Сибири. Всех дел М. М. Сперанского в этот период даже перечислить невозможно. Главное, как встречали и как провожали. В Пензе его встретили с опаской, проводили же фейерверком. В Сибири за его заслуги стали называть первым человеком, покорителем Сибири, Ермаком [4, 18, 32]. В 1819 г. Сергей Семенович Уваров (1786–1855), бывший в то время министром народного просвещения, высказал мысль о том, что «история Сибири делится на две только эпохи: 1-я от Ермака до Пестеля, 2-я — от Сперанского до хх...» [21, с. 242].

Ссылка М. М. Сперанского длилась девять лет, каждый день из которых был у него на счету. После возвращения в столицу он записал в своем дневнике: странствовал девять лет и пять дней [31, с. 195]. Эти девять лет имели для него «значение целого столетия» [18, с. 44].

В биографии М. М. Сперанского имеется еще много страниц, представляющих большой интерес для современных исследователей. К примеру, его взаимоотношения с российскими министрами финансов: с Федором Александровичем Голубцовым (1758–1829) [6; 28], Дмитрием Александровичем Гурьевым (1751–1825) [19, 20, 25, 27], Егором Францевичем Канкриным (1774–1845) [6, 19, 25]. Их отношения были сложными, но они свидетельствуют о высоком профессионализме М. М. Сперанского и его высоких нравственных принципах. Другой нераскрытой стороной деятельности М. М. Сперанского является воспитание нового поколения чиновников и ученых, среди которых Савва Осипович Богородский (1804–1857), Петр Давыдович Калмыков (1808–1860), Константин Алексеевич Неволин (1806–1855). Список этот можно продолжать долго, поскольку в тот период в России формировались научные и учебные кадры будущих юридических и финансовых факультетов высшей школы России, и М. М. Сперанский «воспитал первоначальный их состав» [23, с. 172]. И, конечно же, важно было бы показать взаимоотношения Михаила Михайловича с простыми людьми.

Эта тема бесконечна, но для того чтобы выразить общее мнение тех, кого случай свел со М. М. Сперанским, приведем фрагмент из воспо-

минания одного из исследователей Сибири Эразма Ивановича Стогова (1797–1880): «Портретов Сперанского очень много и все похожи, только я не видал ни одного портрета с глазами Сперанского: есть предметы, не доступные для живописи! Таких глаз, как у Сперанского, я других не встречал, не возьмусь и приблизительно описать их. Могу сказать только: глаза Сперанского я ни разу не видал изменяющимися – всегда постоянно тихи, спокойны, ласковы; они не прищурены, но и не открыты, не вызывающие и не уклоняющиеся – ум, душа и сердце поместились в этих глазах! Живопись бессильна!».

Возвратившись в столицу после изгнания, М. М. Сперанский приступает к кодификации законов, финансовой, научной, образовательной, воспитательной и другой деятельности. Работает с неутомимой энергией, торопится сделать больше и лучше, как это делал всегда. Единственное, что является новым в жизни Михаила Михайловича, – начатая в 1838 г. работа по созданию учебника «Руководство к познанию Законов». В ней самым важным является ответ М. М. Сперанского на вопрос: зачем российскому обществу, привыкшему столетиями, от самого своего начала жить по законам Бога, нужны законы государственные?

Ответить на этот вопрос он готовился, наверное, всю жизнь. В опубликованных философских отрывках М. М. Сперанский для формулирования принципов действия светских законов рассуждает о долге, совести, истине, правоте, о степени бескорыстия как степени правды, записывает афоризмы философские и юридические, юридические и богословские [3, с. 74–78]. И в последнем незаконченном своем сочинении он утверждает, что законы светские необходимы в обществе при отклонении от религиозных норм. Только наполненные нравственными институциями светские законы могут не противоречить традициям русского православного общества и оправдать создание гражданских законов. Жить в государстве – значит жить по законам государства, по законам, основанным на нравственных институциях, созвучных с многовековыми принятыми в России христианскими нормами. Сочинение «Руководства к познанию Законов» осталось незаконченным (М. М. Сперанский умер в начале 1839 г.), и в таком виде оно в 1845 г. было издано.

Нравственные институции человека и государственного чиновника М. М. Сперанского проявились, были увековечены в созданных им теориях, законах, делах, а также в фамилиях лю-

дей, получивших их как награду и надежду на их будущее славные дела в служении России и ее народу. Каждый из надеждных и сперанских (а их после М. М. Сперанского появилось в России немало) заложил начало своим династиям. Память о М. М. Сперанском осталась не только в истории, но и в литературе. Например, в романе «Война и мир» раскрывается образ М. М. Сперанского через мысли о нем князя Андрея [2, с. 89].

Если задуматься о современных российских финансах, то на всех уровнях, во всех функциях управления, во всех финансовых объектах, во всех научных и практических проявлениях они несут на себе печать, оставленную М. М. Сперанским двести лет назад.

В 1810 г. начались реформы российской государственности и финансов. Как заметил В. О. Ключевский: «Либо Сперанский был очень велик, либо его век был очень ничтожен» [9, с. 339].

Список литературы

1. *Афанасьев А.* Дополнение к статье Лонгинова «Граф Сперанский» // Русский Вестник. 1860. Т. 25. № 1. Современная Летопись. С. 26–41.
2. *Бороздин А. К.* Исторический элемент в романе «Война и мир» // Минувшие годы. 1908. № 10. С. 70–92.
3. *Граф М. М. Сперанский.* Философские отрывки // Русская старина. 1872. Т. 5. № 1. С. 68–79.
4. Наши общественные дела // Отечественные записки. 1873. Т. 211. № 11. С. 161–183.
5. *Дмитриев О.* Сперанский и его государственная деятельность (1772–1839) // Юность. 1996. № 7. С. 70–80.
6. Дополнительные заметки и материалы к «Жизни графа Сперанского» (Из бумаг академика *А. Ф. Бычкова*) // Русская старина. 1903. Т. 115. № 9. С. 497–518.
7. Дума Магницкого при гробе графа Сперанского // Русская Старина. 1893. № 11. С. 328–334.
8. *Е. Г. Гасабов Е. И. /* Из жизни Сперанского в Перми // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 570–572.
9. *Ключевский В. О.* Сочинения: Т. 5: Курс русской истории. Ч. 5 / под ред. *В. Л. Янина*; Послесл. *В. А. Александрова, В. Г. Зиминой*. М.: Мысль, 1989. 476 с.
10. *Козмин Н. К.* Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность.

- 1804–1836. С. -Пб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. 561 с.
11. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С.-Пб.: изд. Имп. Публ. Библ., 1861. 283 с.
12. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С.-Пб.: изд. Имп. Публ. Библ., 1861. 388 с.
13. Корф М.А. Смерть графа Сперанского // Русская Старина. 1893. № 11. С. 317–320.
14. Лонгинов М. [Полемика о Сперанском] // Русский Вестник. 1860. Т. 25. № 2. С. 175–179.
15. Лонгинов М. Граф Сперанский // Русский Вестник. 1859. № 10. Кн. 2. С. 527–576.
16. Лонгинов М. История образования государственного совета в России. Составлена помощником статс-секретаря государственного совета Даневским. // Русский Вестник. 1860. Т. 25. № 2. С. 245–248.
17. Лонгинов М. Несколько дополнительных слов о графе Сперанском // Русский Вестник. 1860. Т. 27. № 5. С. 473–478.
18. М. М. Сперанский генерал-губернатор в Сибири и возвращение его в Петербург: из бумаг академика А. Ф. Бычкова // Русская старина. 1902. Т. 112. № 10. С. 35–56.
19. Письма графа В. П. Кочубея к М. М. Сперанскому 1823–1825 гг.: из бумаг акад. А. Ф. Бычкова // Русская старина. 1902. Т. 112. № 11. С. 301–322.
20. Письмо графа Д. А. Гурьева – М. М. Сперанскому по поводу открытия совета кредитных установлений (7-го марта 1818 г.) // Русская старина. 1902. Т. 112. № 10. С. 164.
21. Письмо С. С. Уварова – М. М. Сперанскому об административной их деятельности // Русская старина. 1902. Т. 112. № 11. С. 242.
22. Пребывание Сперанского в Нижнем Новгороде и Перми: из бумаг акад. А. Ф. Бычкова // Русская Старина. 1902. Т. 110. № 5. С. 231 – 249.
23. Романович-Славатинский А. В. Государственная деятельность гр. М. М. Сперанского // Отечественные записки. 1873. Т. 207. № 4. С. 171–199.
24. Руководство к познанию Законов. Соч. Графа Сперанского... // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1845.
25. Семенкова Т. Г. Финансовые реформы М. М. Сперанского // Финансы СССР. 1989. № 4. С. 59–65.
26. Словцов П. А. Дополнение к вчерашнему разговору // Русская старина. 1872. Т. 5. № 1. С. 80–81.
27. Сперанский в 1808–1811 гг.: из бумаг академика А. Ф. Бычкова // Русская Старина. 1903. Т. 114. № 4. С. 29–40.
28. Сперанский в Великополье и Пензе: из бумаг академика А. Ф. Бычкова // Русская Старина. 1902. Т. 110. № 6. С. 467–486.
29. Сперанский в ссылке в Перми // Смесь // Исторический Вестник. 1880. Т. 3. № 9–12. С. 637–638.
30. Сперанский М. М. Проекты и записки / подгот. к печати А. И. Копанев, М. В. Кукушкина / под ред. С. Н. Валка. М. Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 243 с.
31. Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. IV. Изд. 2-е. С.-Пб.: Изд-е А. С. Суворина, 1905. 651 с.
32. Ядринцев Н. М. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестник Европы. 1876. № 6. С. 461–502.
33. Ядринцев Н. М. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестник Европы. 1876. № 5. С. 93–116.

**Форум iFin-2010
пройдет на одну неделю раньше**

Х юбилейный Международный Форум iFin-2010
"Электронные финансовые услуги в России"
состоится 9-10 февраля 2010 года

Место проведения прежнее: гостиница "Рэдиссон
САС Славянская" (г. Москва, Площадь Европы, 2).

<http://forum.ifin.ru>